

студентов, подобного тем, что в 1957 и 1985 гг. проходили в СССР, увеличение числа российских центров науки и культуры, работа с соотечественниками и иностранной молодежью¹³.

Таким образом, молодежную дипломатию можно рассматривать как дополнительный инструмент, направленный на формирование положительного имиджа стран, который формируется не только в рамках обмена мнениями, диалогом молодежи, но и конкретными действиями ее участников.

Несмотря на то, что многообразие форм институциональной деятельности молодежи в международной среде и ее влияние на имидж страны находится за пределами исследовательского интереса, сегодня его дальнейшее изучение скорее может открыть новые горизонты дискурса относительно перспективы молодежного фактора с целью осуществления эффективной внешней культурной политики страны в целом. Перспективы этой политики будут зависеть не только от того, насколько на высоком уровне принимается во внимание роль и значимость многоаспектной международной деятельности молодежи, но и от целенаправленного конструктивного подхода, нацеленного на развитие этого направления. Учитывая тот факт, что молодежная дипломатия сегодня является востребованной формой международного взаимодействия молодежи, можно говорить о растущем потенциале молодежной дипломатии, что может стать эффективным средством продвижения положительного восприятия России во внешней среде. Использование ее в качестве одного из инструментов внешней культурной политики России отнюдь не означает, что нужно полностью отказаться от прежних, достаточно известных форм влияния на характер восприятия международной молодежной среды.

Примечания

¹ См.: Международное молодежное движение на рубеже 90-х годов (Аналитическая записка к XXI съезду ВЛКСМ). М.: ВКШ при ЦК ВЛКСМ, 1990. С. 3.

² См.: Основные направления политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества. Приложение № 1 к Концепции внешней политики Российской Федерации от 18 декабря 2010 г. URL: <http://www.mid.ru/ns-psmak.nsf/processQueryB1?OpenAgent> (дата обращения: 20.09.2013).

³ См.: Мухаметишин Ф. Новый виток народной дипломатии // Известия. 2010. 16 дек.

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Путин призывает дипломатов активнее осваивать новые технологии работы. РИА Новости, 25.08.2012. URL: <http://ria.ru/politics/20120709/695256662.html?id> (дата обращения: 20.09.2013).

⁶ См.: Санкт-Петербургская общественная организация «Лига международной молодежной дипломатии»: [сайт]. URL: <http://www.youthdiplomacy.com/about/> (дата обращения: 27.09.2013).

⁷ См.: Международное молодежное сотрудничество как инструмент формирования имиджа России. URL: <http://www.fondinter.ru/content/news/317/> (дата обращения: 01.09.2013).

⁸ Общественный Дипломатический Корпус // Фонд содействия развитию международного сотрудничества: [сайт]. URL: <http://www.fondinter.ru/content/project/44/> (дата обращения: 20.09.2013).

⁹ Международная школа молодежной дипломатии при МГИМО (У) МИД России: [сайт]. URL: <http://www.mgimo-school.ru/node/5> (дата обращения: 20.09.2013).

¹⁰ Рокоссовская А. Магистры мира. Ректор МГИМО Анатолий Торкунов рассказал «РГ» о будущем дипломатии // Рос. газ. 2012. 27 сент.

¹¹ См.: Центр поддержки и развития общественных инициатив «Креативная дипломатия»: [сайт]. URL: <http://www.picreadi.ru/portfolio.html> (дата обращения: 30.08.2013).

¹² См.: Россия ищет агентов влияния. Чиновники озаботились международным имиджем нашей страны. URL: <http://svpressa.ru/politic/article/63267/> (дата обращения: 20.09.2013).

¹³ См.: Черненко Е. С позиции «мягкой силы». «Ъ» выяснил, как Россия будет улучшать свой имидж за рубежом // Коммерсантъ. 2013. № 6 (5037).

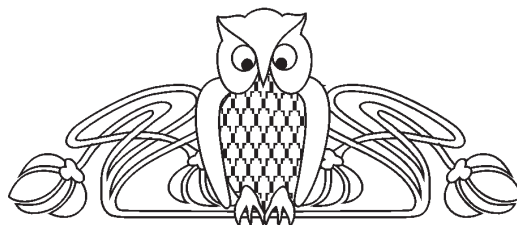
УДК 324:342.84

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ ОЦЕНКИ «СПРАВЕДЛИВОСТИ» ВЫБОРОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И ОГРАНИЧЕНИЯ

А. А. Казаков, Б. Н. Шестов

Саратовский государственный университет
E-mail: aldr.kazakov@gmail.com, bord64@gmail.com

Статья посвящена возможностям использования количественных методов при анализе масштабов нарушений в ходе выборов. Ав-

торы критически оценивают методику, предложенную П. Климом, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом, С. Тернером и опубликованную в «Известиях Национальной академии наук США».

Ключевые слова: количественные методы, выборы, электро-ральные нарушения, Россия.

Quantitative Methods of Evaluation of Election «Fairness»: Opportunities and Limits

A. A. Kazakov, B. N. Shestov

The article is focused on the opportunities of using quantitative methods for analysis of election irregularities. The authors critically evaluate an approach offered by P. Klimek, Y. Yegorov, R. Hanel, and Stefan Thurner and published in «Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America».

Key words: quantitative methods, elections, election irregularities, Russia.

Методы количественного анализа социально-политической реальности, на наш взгляд, имеют важное преимущество перед методами качественными. Они позволяют исследователю решить сложную задачу – при работе с большими массивами данных о состояниях объектов и процессов, каждый из которых в отдельности обладает трудноуловимой качественной спецификой и не менее трудно улавливаемым качественным сходством с другими ему подобными объектами и процессами, сделать эту качественную специфику и качественное сходство максимально очевидными. Иначе говоря, то, что прежде ощущалось лишь интуитивно, теперь, используя численные методы, становится возможным подкрепить точными расчетами. Во многом именно поэтому в современной российской и зарубежной политической науке количественные методы анализа реалий политической жизни пользуются весьма большой популярностью.

В этом отношении наше внимание привлекла статья П. Климека, Ю. Егорова, Р. Хэнела и С. Тернера «Статистическое выявление систематических нарушений на выборах», опубликованная в октябре 2012 г. в «Известиях Национальной академии наук США»¹. Данная публикация предлагает оригинальную и апробированную методику обработки и интерпретации больших массивов электоральных данных и потому может представлять значительный интерес для отечественных прикладных политологических исследований.

Для российской политики последних десятилетий проблема фальсификаций на выборах регионального и даже федерального уровней уже успела стать наболевшей. Однако произошло это не в силу того, что фальсификации на выборах приобрели какое-то особое, из ряда вон выходящее значение для динамики российской политики на фоне общеевропейского и мирового демократического процесса. Болезненность проблемы, на наш взгляд, объясняется тем, что на сегодняшний день в отечественной политической науке и практике явно недостает корректных методик выявления этих фальсификаций. В большинстве случаев используются механизмы (присутствие наблюдателей на избирательных участках, внедрение системы «ГАС – Выборы», установка веб-камер и т. д.), позволяющие зафиксировать

только сам факт наличия нарушений. В дальнейшем же происходит простое арифметическое сложение выявленных случаев фальсификации, которое может послужить мотивацией судебного иска стороны, проигравшей выборы, но при этом мало что дает для оценки реального масштаба искажения волеизъявления избирателей, для оценки возникающих при таких искажениях рисков для всей социально-политической системы и для прогнозирования политического процесса. Авторы же анализируемой статьи предлагают выйти за пределы элементарных арифметических расчетов и посмотреть на искажения в картине реальных электоральных процессов с позиций математического анализа.

Прежде чем рассуждать о степени применимости авторской методики к анализу российской электоральной практики, считаем необходимым кратко изложить суть модели, предложенной П. Климеком, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом и С. Тернером. Государства, рассматриваемые в работе этих ученых, были отобраны ими по принципу доступности данных. Для каждой страны требовалось наличие хотя бы одного уровня агрегации, где среднее значение численности населения на территориальной единице $\bar{n}_{pop} \leq 5,000$. Такой предел для $\bar{n}_{pop}$ был выбран для того, чтобы включить большое количество стран со сравнимым уровнем разрешения данных. Авторы использовали данные с недавних парламентских выборов в Австрии, Канаде, Чешской Республике, Финляндии, России (2011), Испании, Швейцарии, Польше, а также с президентских выборов во Франции, Румынии, России (2012) и Уганде. Итоги голосования были получены с официальных страниц выборов соответствующих стран.

Авторы проанализировали данные по явке и проценту голосов, отданных за победившую на выборах партию, и построили на основе этого статистические распределения и двухмерные гистограммы («отпечатки»). В результате ими была разработана модель, позволяющая сравнивать реальные результаты выборов в различных странах (в частности, в России, Уганде, Швейцарии, Финляндии, Канаде и др.) с разработанной авторами моделью, учитывающей параметры мошенничества.

Путем обратной разработки из электоральных данных П. Климека, Ю. Егоров, Р. Хэнел и С. Тернер получили параметры инкрементального и экстремального мошенничества f_i и f_e , а также доказали, что эти параметры не зависят от уровня агрегации данных и, следовательно, могут быть признаками фальсификаций на выборах. Инкрементальный механизм фальсификации означает, что в урну добавлено определенное число бюллетеней за одну партию и/или изъяты голоса за другие партии. Такой механизм присутствует в доле элементов f . На электоральных отпечатках такие элементы связаны со смазыванием к правому

верхнему краю. Экстремальный механизм соответствует заявленной полной явке и практически всем голосам, отданным за одну партию. Такой механизм наблюдается в области элементов f и формирует второй сгусток на гистограммах с показателями около 100% явки и 100% голосов за выигравшую партию.

Авторы обосновали тезис о том, что для определения возможности сфальсифицировать выборы недостаточно рассматривать приблизительную нормальность распределений явки, голосов или логарифмические распределения голосов. Кроме того, в статье также был представлен метод выявления статистических аномалий в ходе выборов, заключающийся в использовании коэффициентов эксцесса и асимметрии для распределений, относящихся к избирательным кампаниям в разных странах. Было показано, что эксцесс распределений для России в два-три раза превышает эксцесс для любой другой страны на самом грубом уровне агрегации. Значения асимметрии логарифмических распределений голосов для России также устойчиво выше значений для любой другой страны. Вместе с тем коэффициент асимметрии и коэффициент эксцесса зависят от уровня агрегации данных и, следовательно, не могут быть использованы в качестве однозначных указателей на статистические аномалии. В результате авторы пришли к выводу, что распределения на выборах в России и Уганде значительно отличаются как от распределений для других стран, так и от распределений для честной модели выборов в этих странах.

Поясним, что все эти математические выкладки значимы применительно к электоральной практике. В идеале распределение голосов и явки должно следовать нормальному распределению (распределению Гаусса), так как и явка, и количество голосов за ту или иную партию являются случайными величинами. То есть отклонение от распределения случайной величины, к примеру в России, свидетельствует о том, что данная величина не является случайной и, предположительно, присутствует вмешательство в результаты выборов.

Распределение голосов в других странах, например в Швейцарии, схоже со случайным распределением и с распределением, смоделированным для этой страны с параметрами мошенничества, равными нулю. Иными словами, с этой точки зрения можно утверждать, что вмешательства в определение результатов волеизъявления граждан этого государства на данных выборах не было.

Коэффициенты эксцесса и асимметрии указывают на отклонения от нормального распределения: эксцесс иллюстрирует крутизну распределения, а асимметрия – несимметричность графика. Другими словами, с помощью этих коэффициентов мы можем узнать, насколько сильно конкретные распределения отличаются от распределений других стран с отсутствием механизмов мошенничества. Однако эти параметры

в большой степени зависят от уровня агрегации данных и, скажем, уже на уровне субъектов Федерации могут показывать относительно хорошие распределения. Следовательно, опираясь только на них, нельзя заявлять о наличии определенных статистических аномалий, т. е. о фактах вмешательства в результаты выборов. Авторы же вводят параметры f_i и f_e , которые указывают на конкретные инкрементальный или экстремальный механизмы мошенничества соответственно. Они больше подходят для определения присутствия фальсификаций, так как не сильно зависят от уровня агрегации данных и указывают на конкретный механизм вмешательства в результаты выборов.

В целом, мы полагаем, что предложенная П. Климеком, Ю. Егоровым, Р. Хэнелом и С. Тернером модель, безусловно, заслуживает внимания. Вместе с тем при внимательном знакомстве с ней возникает сразу несколько вопросов, которые обозначают естественные границы целесообразности применения такой методики в качестве универсального средства выявления погрешностей в российской электоральной статистике. Эти вопросы касаются, прежде всего, исходных условий расчетов, проведенных авторами, и итоговых интерпретаций полученных результатов.

В сжатом виде суть этих вопросов можно изложить следующим образом.

1. «Свободные и честные выборы – краеугольный камень каждого демократического общества. Основной характеристикой свободы и честности выборов является то, что голоса всех граждан учитываются в равной мере»². Полагаем, что в статье преобладает идеализированное представление о честных выборах, на которые не влияют никакие другие факторы, кроме волеизъявления граждан. Однако в данном отношении мы склонны считать, что абсолютно честных выборов в современных демократических обществах не существует, и потому при анализе результатов любых выборов нужно учитывать фактор возможной фальсификации. В определенных случаях вероятная фальсификация должна учитываться еще на этапе подготовки к выборам.

2. «Мы использовали данные с недавних парламентских выборов в Австрии, Канаде, Чешской Республике, Финляндии, России (2011), Испании и Швейцарии, Польше, а также с президентских выборов во Франции, Румынии, России (2012) и Уганде... Итоги голосования были получены с официальных страниц выборов соответствующих стран»³. Нам представляется, что чаще всего нарушения происходят на этапе голосования и подсчета голосов, публикуются же уже сфальсифицированные данные. В этом отношении опираться на размещенные в сети Интернет данные для определения масштабов нарушений не совсем оправданно.

3. В тексте отсутствует явное определение мошенничества или фальсификации, и к тому же

не совсем понятно, какой смысл вообще вкладывают в эти понятия авторы. Вброс бюллетеней или их намеренно неверный подсчет действительно является нарушением и потому это можно назвать мошенничеством. Однако при этом не ясно, считают ли авторы мошенничеством другие легальные и полуправовые манипуляции с голосами избирателей.

4. Авторы пишут: «Существует множество способов фальсификации результатов выборов (например, пересмотр границ районов, или отказ определенным слоям общества в их праве голосовать). Некоторые способы манипуляции с результатами выборов оставляют следы и могут быть выявлены с помощью статистических методов»⁴. Однако в дальнейшем любые статистические аномалии объясняются исключительно вбросом бюллетеней, а выборы с характеристиками, не подтверждающими искомым аномалий, называются честными.

Любое отклонение от ожидаемой по результатам модели картины принимается за мошенничество. Но при этом не учитываются морально нечестные, но, с точки зрения законодательства, легальные механизмы, либо же не разрешенные, но и не запрещенные законом той или иной страны приемы – например, принуждение избирателей отдать свои голоса конкретному кандидату в рамках рабочего коллектива (врачи, учителя, сотрудники госструктур, депутаты, чиновники). На наш взгляд, более корректно фальсификации на выборах 2011 г. в России анализирует Рубен Ениколопов – один из авторов статьи «Полевое исследование нарушений в ходе парламентских выборов в России»⁵: «...важно отметить, что мы смотрим только на результаты фальсификаций при подсчете голосов и не учитываем других нарушений при проведении выборов. Необходимо понимать, что фальсификации на этапе подсчета голосов являются последней и крайней мерой. На результаты выборов в гораздо большей степени влияют такие нарушения, как незаконный отказ в регистрации партии или кандидата, незаконная дисквалификация партий и кандидатов, незаконные ограничения на проведения избирательной кампании, неравный доступ к СМИ, принуждение к голосованию работодателем. Вот только измерить вклад этих нарушений в результаты голосования гораздо сложнее»⁶.

5. В рассматриваемой модели учитывается явка избирателей и процент голосов, отданных за победившую партию, а также осуществляется сравнение результатов для разных стран⁷. При этом без внимания остается вопрос о том, как влияет многопартийность на рассматриваемую модель, и могло ли мошенничество в пользу других партий повлиять на найденные аномалии.

6. На наш взгляд, в рассуждениях авторов присутствует определенная предвзятость и стремление подтвердить заранее сформировавшееся мнение. Кроме того, не учитываются факторы

многонациональности населения, размера стран (в частности России), а также различий между отдельными регионами в рамках одного государства. Судя по всему, имеет смысл несколько ограничить возможности применения данной модели. Безусловно, она может показать аномалии в результатах выборов, однако дальнейший анализ этих аномалий целесообразно проводить отдельно. Рубен Ениколопов, один из авторов упомянутой выше статьи, на портале forbes.ru пишет: «... в нашей работе мы детально проанализировали связь между явкой и долей голосов, полученных партиями. Крайне высокая корреляция между явкой и голосами за “Единую Россию” часто приводилась в качестве свидетельства наличия фальсификаций, но теоретически это могло объясняться и особенностью электората партии власти... В целом высокая связь явки и голосования частично объясняется фальсификациями, но частично она действительно является особенностью людей, проголосовавших за “Единую Россию”»⁸. Иными словами, автор этой статьи, более близкий к проблеме выборов в РФ, признает, что корреляция между явкой и голосами за «Единую Россию» в определенной степени объясняется не мошенническими механизмами, а особенностью электората.

7. В анализируемой работе в один ряд ставятся страны, различные по политическому режиму, особенностям законодательства, территории, составу населения, что, на наш взгляд, может привести к не совсем корректным выводам. Так, авторы рассматривают результаты разных российских выборов после 2003 г. и заявляют, что до этого периода таких нарушений выявлено не было⁹. Возможно, разумнее было бы сравнить результаты выборов 2003 г. и более поздних годов с выборами до 2003 г. и таким образом избежать разницы между государствами. На протяжении всего текста регулярно сравниваются между собой Уганда и Россия. На наш взгляд, страны несравнимы напрямую в силу значительно различающихся особенностей законодательства, состава населения и географических характеристик.

В целом же, можно сделать вывод о том, что разработанная авторами модель интересна для рассмотрения и полезна для нахождения определенных статистических аномалий в результатах выборов. Причем наличие таких аномалий не взято с потолка, а подкреплено параметрической моделью и наглядным объяснением. Но анализировать причины аномалий и делать выводы о мошенничестве на выборах необходимо только при условии более подробного рассмотрения каждой конкретной страны отдельно, каким бы заманчивым не представлялось одновременное сравнение большого количества государств. Вполне возможно, что анализировать полученные при помощи рассмотренной модели результаты и вовсе лучше политологам, специализирующимся на теоретических аспектах нашей науки.

Примечания

- ¹ Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Statistical Detection of Systematic Election Irregularities // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). 2012. Vol. 109, № 41. P. 16469–16473.
- ² Ibid. P. 16469.
- ³ Ibid. P. 16470.
- ⁴ Ibid. P. 16469.
- ⁵ Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A. Field Experiment Estimate of Electoral Fraud

in Russian Parliamentary Elections // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America (PNAS). 2012. Vol. 110, № 2. P. 448–452.

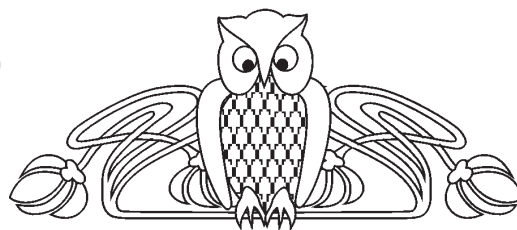
- ⁶ Ibid. P. 449.
- ⁷ См.: Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Op. cit. P. 16469–16471.
- ⁸ Ениколопов Р. Как доказать фальсификации на выборах. URL: <http://www.forbes.ru/sobytia-column/232000-kak-dokazat-falsifikatsii-na-dumskih-vyborah> (дата обращения: 10.03.2014).
- ⁹ См.: Klimek P., Yegorov Y., Hanel R., Thurner S. Op. cit. P. 16469.

УДК 323.212

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Н. И. Зверева

Фонд региональных социальных программ «Наше будущее»,
Москва
E-mail: zve_ni@mail.ru

В статье рассматривается такое, относительно новое для российской практики, явление, как социальное предпринимательство, под которым понимается бизнес в интересах смягчения социальных проблем. Автор предлагает новый для отечественной науки взгляд на данное явление как не экономический или социальный, а политический феномен. Изучение текстов Посланий Президента Федеральному собранию и программ политических партий позволяет сделать вывод о высокой значимости социальных вопросов в политической повестке дня. Социальное предпринимательство имеет ярко выраженные политические эффекты.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, политические эффекты, политические партии, Послания Президента, политическая сеть, социальные проблемы, повестка дня, политическая стабильность, политический имидж, выборы.

Political Effects Of Social Entrepreneurship

N. I. Zvereva

The article discusses a social entrepreneurship. Social entrepreneurship is a business in order to mitigate social problems. Social entrepreneurship is not only economic and social but also political phenomenon. The author has studied the text of the Address of the President to the Federal Assembly and the programs of political parties and has concluded that social issues is very important for the political agenda. Social entrepreneurship has strong political effects.

Key words: Social entrepreneurship, political effects, political parties, Address of the President, political network, social issues, agenda, political stability, political image, election.

Современное общество – открытая система, в которой причинно-следственные связи чаще всего являются нелинейными. Данное обстоятельство делает актуальными различные междисциплинарные области знания, где поиск ответов на острые вопросы ведется на стыке предметных

областей, затрагивающих подчас кажущиеся несоместимыми сферы общественной жизни. Таким образом, переплетаются, например, экономика с социальной сферой, в результате чего рождается, в частности, феномен социального предпринимательства, который уже невозможно полноценно изучать только с позиций социологической или экономической науки.

Понятие социального предпринимательства многогранно и отражает широкий спектр задач и особенностей, присущих ему. Уже само название указывает на то, что приоритетом для этого вида бизнеса является не извлечение прибыли, а решение или смягчение существующих социальных проблем. Социальный предприниматель ставит перед собой задачу внесения положительных изменений в инфраструктуру общественной системы, имеющих долгосрочный эффект. Решение общественно значимых вопросов непосредственно включено в бизнес-процесс компании, что существенно снижает вероятность нерационального расходования ресурсов, и поэтому именно социальное предпринимательство обладает наиболее высоким уровнем отдачи на единицу вложенных средств. Уникальной особенностью социального предпринимательства, выделяющей его из общей массы бизнеса, является стремление не просто извлекать прибыль из своей деятельности, но посредством нее развивать социальную инфраструктуру. Таким образом, социальный предприниматель оказывается субъектом, чрезвычайно выгодным для всех. Эта выгода заключается для потребителей в том, что он производит востребованные товары и услуги, для власти – в улучшении социального климата на конкретной территории, для бизнес-сообщества – в продвижении положи-